Газета-2003-27 авг.-С 1, 11.

“мы полагаем, что мы нравственная нация”

Андрей Звягинцев — Газете

Андрей Звягинцев: «Мы делали кино, а не телевизионный продукт»

Окончание. Начало на странице 01

Как примирить ваше телевизионное прошлое, работу в самой массовой из существующих областей — сериальной — с «Возвращением», картиной авторской и «фестивальной»?

При всем том, что я работал для телевидения — «Черная комната», сюжеты для программы «Кинематограф», — с 1990 года, когда я получил в ГИТИСе актерское образование, на протяжении десяти лет главной мечтой моей было кино. Не телевизионное, не сериальное — серьезное. Неожиданного поворота из одной среды в другую для меня не произошло: я никогда не чувствовал себя телевизионным человеком. Неожиданным для меня, удивительным, потрясающим был отважный и щедрый поступок Лесневского. Он пригласил меня к себе и спросил, снимал ли я когда-нибудь кино, притом что у меня нет профессионального образования, я почти человек с улицы. Я ответил: «Нет, не снимал, но снимать хочу». В новеллах из «Черной комнаты» тоже все наши с оператором совместные силы были положены на то, чтобы в рамках телевизионного формата делать все же кино. Мы делали кино, а не телевизионный продукт.

Русские режиссеры, ездящие на фестивали, очень любят философствовать на темы собственных фильмов, объяснять их и говорить о послании, которое они несут зрителям. Вы будете вести себя так же?

Это черта русской культуры — она полагает, что для мира что-то несет, об этом Достоевский еще на открытии памятника Пушкину сказал. Как он сказал, так и повелось. Мы полагаем, что спасем Европу и весь мир, что мы нравственная нация. Мне это, скажем так, не чуждо, но меньше всего я хотел бы говорить перед фильмом… да и после него я не хотел бы говорить, о чем он. Я бы хотел оставить зрителя один на один с экраном, фильмом и видеть там то, что он увидит. Я себе установку дал, зарок, что не буду говорить о смыслах фильма. Не хочу разрушать тонкую материю, которая возникает между глазом смотрящего — его пониманием, интеллектом и культурой — и тем, что он увидит на экране. Не хочу вмешиваться в этот контакт.

А не боитесь «недобросовестных трактовок»? Вот Сокуров заклеймил всю Европу разом за то, что там в его «Отце и сыне» кто-то углядел гомосексуальную подоплеку…

Давайте заключим соглашение — вы будете моим свидетелем. Я попробую дать обещание не вмешиваться в интерпретацию, какой бы она ни была. Мне очень нравится один пассаж у Кьеркегора в «Страхе и трепете» — по поводу героя и рапсода. Рапсод — человек, который восхищается подвигом героя, воспевает его, грубо говоря, тот, кто может увидеть чудо поступка, но никогда не сможет его совершить. Зато он сможет его воспеть, как не сможет герой. Герой, или поступок, или подвиг — в данном случае это фильм. Если фильм сделан и существует, будет смешно, если он будет сам себя комментировать. Если я начну говорить «нет, вы неправильно поняли мой поступок», то мой поступок сам себя дискредитирует. Когда герой совершает поступок, на него смотрят многие, но они считывают свои смыслы, и это уже их личное дело. Зачем я буду в это влезать, говоря «вы не так поняли, я другое имел в виду»? То, что я имел в виду, я знаю, но передать этого зрителю я не смогу никак, кроме как показав фильм.

Вы-то себя ощущаете героем или рапсодом?

Конечно же, рапсодом — один из толпы, который по-своему прочел этот поступок. У меня своя интерпретация, свой взгляд на этот фильм.